

Лев Николаевич Толстой

**Ходите в свете, пока есть
свет**

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

Ходите в свете, пока есть свет

«Библиотечный фонд»

1887

Толстой Л. Н.

Ходите в свете, пока есть свет / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1887 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
ХОДИТЕ В СВЕТЕ, ПОКА ЕСТЬ СВЕТ.	8
I.	9
II.	13
III.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Лев Николаевич
Толстой**
Ходите в свете, пока есть свет

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1936

Электронное издание осуществлено компаниями [ABBYU](#) и [WEXLER](#) в рамках крауд-сорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы проекта:

[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

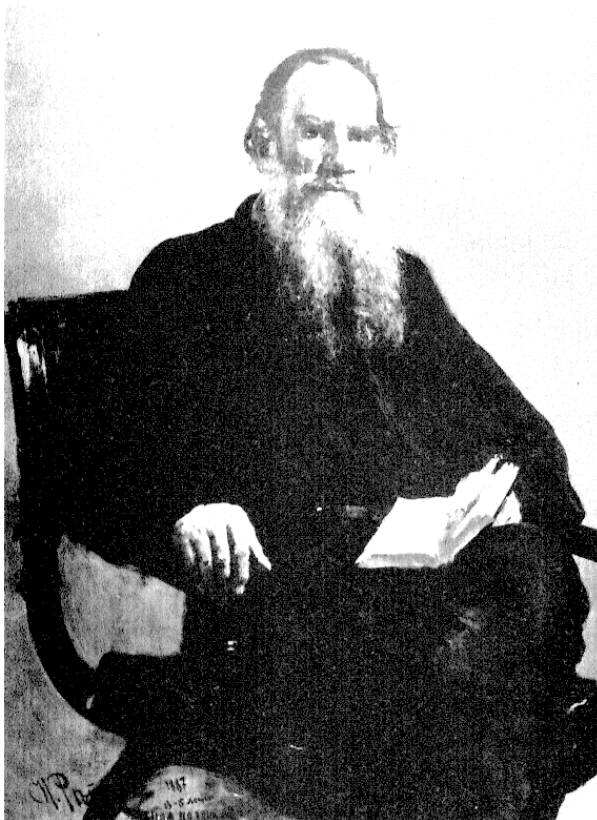
В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.
1887 г.
Портрет работы И. Е. Репина.

ХОДИТЕ В СВЕТЕ, ПОКА ЕСТЬ СВЕТ.

(ПОВЕСТЬ ИЗ ВРЕМЕН ДРЕВНИХ ХРИСТИАН.)

33. *Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился.*

34. *Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям, взять свои плоды.*

35. *Виноградари, схвативши слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями.*

36. *Опять послал он других слуг, большие прежнего: и с ними поступили так же.*

37. *Наконец послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего.*

38. *Но виноградари, увидевши сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его.*

39. *И схвативши его, вывели вон из виноградника и убили.*

40. *Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?*

41. *Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои.*

(Матф. XXI, 33—41).

I.

Было это в царствование римского императора Траяна, 100 лет после Рождества Христа. Было это в то время, когда живы еще были ученики учеников Христовых, и христиане твердо держали закон Учителя, как сказано в Деяниях: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа: и никто ничего из имения своего не называл своим; но всё у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавали их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». (Деяния, гл. IV, от. 32—35.)

Жил в эти первые времена в стране Киликийской, в городе Тарсе, богатый купец, сириянин, торговец драгоценными камнями, Ювеналий. Вышел он из простых и бедных людей, но трудом и искусством в своем деле нажил богатство и уважение своих сограждан. Ездил он много по разным землям и, хотя не был учен, многое узнал и понял, и городские люди уважали его за его ум и справедливость. Веры он держался той римской, языческой, которой держались все уважаемые люди римской империи – той веры, исполнение обрядов которой стали строго требовать со времен Августа императора и которую твердо соблюдал и теперешний император Траян.

Киликийская страна далека от Рима, но управлялась римским начальником, и всё, что делалось в Риме, отзывалось и в Киликии, и управители подражали своим императорам.

Ювеналий помнил в детстве еще рассказы про то, что делал Нерон в Риме, видел потом, как гибли императоры один за другим, и, как умный человек, он понимал, что во власти императорской и в религии римской ничего не было священного, но что всё это было дело рук человеческих. Но вместе с тем, как умный человек, он понимал и то, что противиться этой власти было не выгодно и что для своего спокойствия надо было подчиняться установленному порядку. Но, несмотря на то, безумие всей окружающей жизни, особенно того, что происходило в Риме, где он бывал по своим делам, часто смущало его. Были у него сомнения, он не мог обнять всего и относил это к своей необразованности. Он был женат, и детей у него было четверо, но трое умерли в молодых годах, остался один, по имени Юлий.

На этого-то Юлия Ювеналий положил всю свою любовь и все свои заботы. В особенности хотелось Ювеналию так воспитать Юлия, чтобы он не мучался теми сомнениями о жизни, которые смущали его самого.

Когда Юлию минуло 15 лет, отец отдал его в учение к поселившемуся в их городе философу,¹ принимавшему к себе юношей в обучение. Отец отдал его философу вместе с товарищем его, Памфилием, сыном умершего вольноотпущенного Ювеналия. Юноши были ровесники, оба красавцы и друзья.

Юноши учились оба прилежно. Оба были нрава хорошего. Юлий отличался более в изучении поэтов и математики, Памфилий же в изучении философов.

За год до окончания их учения Памфилий, придя в школу, объявил учителю, что мать его, вдова, уходит с друзьями в небольшой городок Дарну, и что он должен идти с матерью, чтобы помогать ей, и потому должен оставить учение.

Жалел учитель о потере ученика, делавшего ему честь; жалел Ювеналий, но больше всех жалел Юлий. На все увещания оставаться и продолжать учение Памфилий остался непреклонен и, поблагодарив своих друзей за любовь к нему и заботы: о нем, расстался с ними.

---

¹ Философ – ученый, мудрец. Философия – наука о высшей мудрости

Прошло два года. Юлий окончил учение и за всё это время ни разу не видал своего друга. Однажды он встретил его на улице, зазвал к себе в дом и стал расспрашивать о том, как и где он живет. Памфилий рассказал ему, что он с матерью живет всё там же.

– Живем мы, – говорил он, – не одни, но с нами много друзей, с которыми у нас всё общее.

– Как общее? – спросил Юлий.

– Так, что никто из нас ничего не считает своим.

– Зачем же вы это делаете?

– Мы христиане, – сказал Памфилий.

– Неужели! – воскликнул Юлий.

Христианином быть в то время было то же, что в наше время заговорщиком. Как только кого обличали в христианстве, так тотчас его сажали в тюрьму, судили, и если он не отрекался, то казнили. Это-то ужаснуло Юлия. Он слышал всякие ужасы про христиан.

– А как же мне говорили, что христиане убивают детей и едят их? Неужели и ты участвуешь в этом?

– Приди и посмотри, – отвечал Памфилий. – Мы ничего не делаем особенного, мы просто живем, стараясь не делать дурного.

– Но как же можно жить, ничего не считая своим?

– Мы кормимся. Если мы отдаем братьям наши труды, то они отдают нам свои.

– Ну, а если братья берут труды ваши, а не отдают их, тогда как же? – спросил Юлий.

– Таких нет, – сказал Памфилий. – Такие люди любят жить роскошно, не придут к нам, а жизнь у нас простая и не роскошная.

– Да мало ли ленивцев, которые рады будут тому, чтобы их даром кормили.

– Есть и такие, и мы охотно принимаем их. Недавно пришел один такой, бежавший раб. Сначала он, правда, ленился и жил дурно, но скоро изменил свою жизнь и теперь стал хорошим братом.

– Но если бы он не исправился?

– Есть и такие. Старец Кирилл говорит, что с такими-то и надо поступать, как с самыми дорогими братьями и еще больше любить их.

– Разве можно любить негодяев?

– Нельзя не любить человека.

– Но как же вы можете давать всем то, чего они просят? – спросил Юлий. – Если бы мой отец давал всем, кто просит, у него очень скоро ничего бы не осталось.

– Не знаю, – отвечал Памфилий, – у нас остается на нужду. И если и случится, что нечего есть или нечем прикрыться, так мы у других просим, и нам дают. Да редко случается. Мне только раз и случилось лечь спать без ужина. Да и то оттого, что устал я очень и не хотелось идти к брату просить.

– Не знаю, как вы делаете, – сказал Юлий, – только, как отец говорит, если свое не беречь, да если еще давать всем, кто просит, так сам с голоду умрешь.

– Мы не умираем. Приди, посмотри. Мы живем и не только не нуждаемся, но даже много лишнего у нас.

– Да как же это так?

– А вот отчего. Исповедуем мы все один закон, но силы исполнения закона у всех разные: у одного больше, у другого меньше. Один усовершенствовался уже в доброй жизни, другой только начинает ее. Впереди всех нас стоит Христос с своей жизнью, и мы все стараемся подражать Ему и в одном видим наше благо. Одни из нас, как старец Кирилл и жена Пелагея, стоят впереди нас, другие сзади, третьи еще сзади, но все идут по одному пути.

Передовые уже близки к закону Христа – отречения от себя и погубили свою душу, чтобы приобрести ее. Этим ничего не нужно. Эти себя не жалеют и всё последнее по Христову закону

отдают просящему. Другие есть послабее, такие, которые не могут всё отдать: ослабевают и еще жалеют сами себя. Ослабевают без привычной одежды и пищи, и не всё отдают.

Есть еще слабее, те, которые только недавно вступили на путь. Эти живут еще по-старому, удерживают много для себя, и отдают только лишнее. И эти-то задние приходят на помощь передним.

Кроме того, все мы перепутаны родством с язычниками. У одного отец язычник, держит имя и дает сыну. Сын дает просящим, но отец опять дает. У другого мать язычница, жалеет сына и помогает ему. У третьего дети язычники, а мать христианка и дети покоят мать, дают ей и просят не раздавать, а она из любви к ним принимает и всё-таки отдает другим. У четвертого жена язычница, а муж христианин. У пятого муж язычник, жена христианка.

Так перепутаны все, и передние рады бы отдать последнее, да не могут.

Этим-то и поддерживаются слабые в вере, и от этого-то набирается у нас много лишнего.

На это сказал Юлий:

– Да если так, то вы, значит, отступаете от учения Христа, и только вид делаете. А если вы не всё отдаете, то и нет между нами и вами разницы. По мне, если уж быть христианином, так исполнять всё. Отдать всё, и остаться нищим.

– А это лучше всего, – сказал Памфилий. – И сделай так.

– Да, я сделаю, когда увижу, что вы делаете.

– Мы ничего показывать не хотим. И тебе не советую идти к нам и выходить из своей жизни для показу. Делаем мы то, что делаем, не для показу, а по вере нашей.

– Что значит по вере?

– А по вере значит то, что мы верим, что спасенье от зол мира, от смерти только в жизни по учению Христа. И для нас всё равно, что скажут про нас люди. Мы делаем не для людей, а потому что только в этом мы видим жизнь и благо.

– Нельзя не жить для себя, – сказал Юлий. – Боги сами вложили в нас то, что мы любим себя больше других и ищем себе радостей. И вы то же самое делаете. Ты сам говоришь, что и из ваших есть, которые себя жалеют. Они будут больше и больше себе готовить радостей, и всё больше будут бросать вашу веру, и будут то же делать, что и мы.

– Нет, – отвечал Памфилий, – наши идут по другому пути и никогда не слабеют, а всё сильнеют, как огонь никогда не потухнет, когда на него подкладывают дрова. В этом-то и вера.

– Не пойму я, в чем эта вера?

– Вера наша в том, что мы понимаем жизнь так, как объяснил нам ее Христос.

– Как же?

– Христос сказал такую притчу:

– Жили виноградары в чужом саду и должны были платить оброк хозяину. Это мы, люди, живем в мире и должны платить оброк Богу, исполнять Его волю. А люди по мирской вере подумали, что сад ихний, что им за него платить нечего, а только и дела, что пользоваться плодами его. Прислал к людям хозяин посланного, чтобы получить оброк, а они выгнали его; прислал своего сына за оброком, а они убили его, думая, что после этого никто уже им не помешает. – Вот эта мирская вера, по которой живут все люди мира, не признающие того, что жизнь дана для того, чтобы служить Богу. Христос же научил нас тому, что мирская вера о том, что человеку будет лучше, если он прогонит из сада посланного и сына хозяина и не даст оброка; что эта вера ложная, потому что не миновать либо дать оброк, либо быть выгнанным из сада. Он научил нас тому, что те радости, которые мы называем радостями: еда, питье, веселье – не могут быть радостями, если в них полагается жизнь; что они радости только тогда, когда мы ищем другого: исполнения воли Бога, что только тогда эти радости, как награда настоящая, следуют за исполнением воли Бога. Хотеть брать радости без труда исполнения воли Бога, отрывать одни радости от труда, это всё равно, что разрывать стебли цветов и рассаживать их без корней. Мы верим в это, и потому не можем искать обмана вместо правды. Вера

наша в том, что благо жизни не в ее радостях, а в исполнении воли Бога без мысли о радостях и надежды на них. И мы живем так, и что дальше живем, то больше видим, что радости и благо, как колесо за оглоблями, идет по пятам за исполнением воли Бога. Учитель наш сказал: «Приидите все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Так говорил Памфилий; Юлий слушал его и сердце его трогалось, но ему было не ясно то, что говорил Памфилий; ему то казалось, что Памфилий обманывает его, то, когда он глядел в добрые глаза своего друга и вспоминал его доброту, ему казалось, что Памфилий сам обманывает себя.

Памфилий приглашал Юлию приехать к ним, чтобы посмотреть на их жизнь и, если она ему понравится, остаться жить с ними. И Юлий обещал.

Юлий обещал, но не поехал к Памфилию. И, увлекшись своею жизнью, забыл о нем.

Он как будто боялся того, чтоб жизнь их не привлекла его к себе. Он представлял себе жизнь христиан такую, при которой необходимо отречься от всех радостей жизни, а он не мог отречься от них, потому что в них полагал жизнь. Он осуждал христиан и дорожил этим осуждением, боялся перестать осуждать их и потому искал случая находить в них дурное.

Когда бы, где бы он ни встречал христиан в городе, он тотчас находил в них предлог для осуждения. Когда он видел их на торгу, продающих плоды и овощи, он говорил себе, а иногда и им: вот вы говорите, что не имеете ничего своего, а вот продаете за деньги, а не отдаете даром всякому, кто хочет взять. Вы обманываете себя и нас, говорил он, и не хотел входить в рассуждения с ними, почему они считали нужным и справедливым продавать на торгу, а не отдавать даром.

Когда он встречал христианина в хорошей одежде, он упрекал его за то, что он еще не отдал ее. Ему нужно было, чтобы христиане были виноваты, а так как они никогда не отрицали своей вины, то они и были виноваты в его глазах. В его глазах они были притворщики, обманщики, которые говорили, но не делали. Он говорил: я по крайней мере, что говорю, то и делаю, а вы говорите одно, а делаете другое. И когда он уверял себя в этом, он был покоен и оставался жить попрежнему.

II.

Нрава Юлий был доброго, но по обычаю богатых, молодых людей, он имел рабов и нередко жестоко наказывал их, когда они не исполняли его приказаний, или когда он бывал не в духе. Он имел много дорогих, ненужных вещей и одежд, и приобретал еще больше таких; любил театры и зрелища; и уж с молодых лет имел любовниц и предавался в обществе своих друзей объяденью и пьянству.

Жизнь его, казалось ему, шла весело, потому что он не видал своей жизни – вся она проходила в забавах, так что некогда было и подумать о ней.

Так ушло два года. И Юлий думал, что он проживет так всю жизнь. Но это было невозможно. В такой жизни, какую вел Юлий, всё надо усиливать забавы для того, чтобы было всё одинаково весело. Если ему сперва весело выпить чашу своего вина с приятелем, то после повторения такого же удовольствия несколько раз, нужно было выпить уже две чаши вина и более хорошего качества, чтобы было так же весело. Если сперва весело побеседовать с приятелем, то часто это уже надоедает, и чтобы было так же весело, нужно беседовать уже с приятельницей; а потом и этого мало, нужно еще другое. Потом и этого мало, одни и те же приятельницы надоедают, нужно переменить их. И так во всех удовольствиях тела. Чтобы удовольствие не прекращалось, нужно постоянно усиливать его. А чтобы усиливать удовольствие, увеличивать его, нужно требовать больше от других людей; а чтобы заставлять делать других людей то, что мне хочется, есть и было у простых людей – не у властителей – одно средство – деньги. Так было и с Юлием. Он предавался удовольствиям тела, но не был властителем; и потому ему нужно было постоянно увеличивать их, – нужны были деньги.

Отец Юлия был богат, любил своего единственного сына, гордился им и не жалел для него денег. Жизнь Юлия проходила так, как проходит жизнь богатых молодых людей: в праздности, роскоши и развратных увеселениях, которые всегда были и остаются одни и те же: вино, игра и разгульные женщины.

Но удовольствия, которым предавался Юлий, требовали всё больше и больше денег, и их стало недоставать у Юлия. Он раз попросил у отца больше, чем то, что обыкновенно давал ему. Отец дал, но сделал сыну выговор. Сын чувствовал себя виноватым и, не желая сознаться в своей вине, разозлился, нагрубил отцу, как всегда злятся те, которые знают свою вину и не хотят сознаться в ней. Взятые у отца деньги очень скоро вышли. И, кроме того, в это же самое время Юлию случилось с пьяным товарищем ввязаться в драку и убить человека. Начальник города узнал это и хотел взять под стражу Юлия. Но отец его выхлопотал ему прощение. В это-то время Юлию по его разгульным делам понадобилось еще более денег. Он занял у товарища и обещал отдать ему. Кроме того, любовница его требовала от него подарков: полюбилось ей жемчужное ожерелье, и он видел, что если он не исполнит ее просьбы, она бросит его и сойдется с богачом, который уж давно отбивал ее от Юлия. Юлий пришел к матери и сказал ей, что ему необходимы деньги, что если она не достанет ему столько, сколько ему нужно, он убьет себя.

В том, что он находился в таком положении, он винил не себя, но отца. Он говорил: отец приучил меня к роскошной жизни, а потом стал жалеть мне денег. Если бы он дал мне сначала без укоров то, что он дал мне после, я бы устроил свою жизнь и не нуждался; но так как он всегда давал мне недостаточно, я должен был обращаться к ростовщикам, и они высасывают из меня всё, и для жизни, свойственной мне, как богатому юноше, мне ничего не остается, мне стыдно перед товарищами. А отец ничего этого не хочет понимать. Он забыл, что сам был молод. Он довел меня до этого положения. И теперь, если он не даст мне того, что я прошу, я убью себя.

Мать, баловавшая сына, пошла к отцу. Отец позвал сына и стал бранить и его и мать. Сын грубо ответил. Отец ударил его. Сын схватил за руки отца. Отец крикнул рабов и велел связать сына и запереть его.

Оставшись один, Юлий проклинал отца и свою жизнь. Смерть своя или отца представлялась ему единственным выходом из того положения, в котором он находился.

Мать Юлия страдала больше его. Она не понимала того, кто был виноват во всем этом. Она только жалела о любимом детище. Она пошла к мужу умолять его о прощении. Муж не стал слушать ее, стал упрекать ее в том, что она развратила сына; она упрекала его и кончилось тем, что муж избил и жену. Но мать ни во что не считала свои побои, пришла к сыну, уговорила его, чтобы он просил прощения у отца и покорился ему. За это она обещала ему тайно от отца дать ему те деньги, которые ему были нужны. Сын согласился, и тогда мать пошла к своему мужу и упросила его простить сына. Отец долго бранил жену и сына, но, наконец, решил, что он простит сына только с тем условием, чтобы он бросил свою распутную жизнь и женился бы на дочери богатого купца, которую отец обещал высватать за сына.

«Он получит от меня деньги и приданое жены, сказал отец, и тогда пусть начнет правильную жизнь. Если он обещает исполнить мою волю, я прощу его. Теперь же я ничего не дам ему и при первой его вине отдам его в руки начальника».

Юлий на всё согласился и был выпущен. Он обещал жениться и бросить свою дурную жизнь. Но он не намеревался этого сделать. И жизнь дома теперь сделалась для него адом. Отец не говорил с ним, бранился с матерью за него. Мать плакала.

На другой день мать позвала его в свои покои и тайно передала сыну драгоценный камень, который она унесла у мужа.

– Поди, продай его, не здесь, а в другом городе, и исполни то, что надо, а я сумею скрыть эту пропажу до времени. А если откроется, то вину возложу на одного из рабов.

Слова матери тронули сердце Юлия. Он ужаснулся тому, что она сделала, и, не взяв драгоценного камня, ушел вон из дома. Он сам не знал, куда и зачем он идет. Он шел вперед, всё вперед, вон из города, чувствуя необходимость остаться одному и обдумать всё то, что было с ним и что ожидало его. Идя всё вперед и вперед, он вышел из города и вошел в священную рощу богини Дианы.² Войдя в уединенное место, он стал думать. Первая мысль, которая пришла ему, была в том, чтобы просить помощи у богини. Но он не верил уже в богов своих, и потому знал, что от них нельзя ожидать помощи. А коли не у них, то у кого? Самому обдумать свое положение ему казалось слишком страшным. В душе у него была путаница и мрак. Но делать было больше нечего. Надо было обратиться к своей совести, и он стал перед ней обсуживать свою жизнь и свои поступки. И то и другое показалось ему дурным и прежде всего глупым. Из-за чего он так мучил себя? Из-за чего так губил свои молодые годы? Радостного было мало, а горя и несчастий много. Главное же было то, что он чувствовал себя одиноким. Прежде была любящая мать, был отец, были даже друзья, теперь никого не было. Никто не любил его. Всем он был в тягость. Всем он умел стать поперек их жизни: для матери он был причиной раздора с отцом, для отца он был расточителем богатств, собранных трудом целой жизни; для друзей он был опасный, неприятный соперник. Для всех них должно было быть желательно, чтобы он умер.

Перебирая свою жизнь, он вспомнил о Памфилии и о последнем свидании с ним, и о том, как Памфилий звал его к ним, к христианам. И ему пришло в голову не возвращаться домой, а прямо отсюда уйти к христианам и остаться с ними. Но неужели мое положение такое отчаянное? подумал он и опять стал вспоминать всё, что с ним было, и опять его ужаснуло то, что, ему казалось, никто не любил его, и он не любил никого. Мать, отец, друзья – не любили его, должны были желать его смерти, но и сам он любил ли кого? Друзей, он чувствовал, что

---

² Диана – одна из многих языческих богинь.

никого не любил. Все они были соперники и все были безжалостны к нему теперь, когда он был в несчастьи. Отца? спросил он себя. И ужас охватил его, когда он при этом вопросе заглянул в свое сердце. Не только он не любил, но он ненавидел его за стеснения, за оскорбления. Ненавидел – и, кроме того, ясно видел, что для его, Юлия, счастья нужна смерть отца.

«Да, – спросил себя Юлий, – и если бы я знал, что никто никогда не увидит и не узнает, что бы я сделал, если бы я мог ударом сразу лишить его жизни и освободить себя?» И Юлий ответил себе: «Да, я убил бы его». Он ответил это себе и ужаснулся сам на себя. «Мать? да, я жалею ее, но и ее я не люблю. Мне всё равно, что будет с ней, мне только нужна ее помощь... Да, я зверь! И зверь забитый, затравленный, и только тем и отличаюсь от зверя, что могу по своей воле уйти от этой обманчивой, злой жизни, могу сделать то, что не может зверь – убить себя. Отца ненавижу, никого не люблю: ни мать, ни друзей... Да нечто Памфилия одного»...

И он опять вспомнил о нем. Стал вспоминать последнее свидание и их беседу и слова Памфилия о том, что их учитель Христос говорил: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Неужели это правда? Он стал думать, вспоминать кроткое, бесстрашное и радостное лицо Памфилия, и ему захотелось видеть и слышать его, захотелось верить тому, что говорил Памфилий. Что же, в самом деле, сказал он себе, кто я? – Человек ищущий блага. Я искал его в похотях и не нашел. И все живущие так же, как я, тоже не находят. Все злы и страдают. Есть же человек, который всегда радостен, оттого что он ничего не ищет. Он говорит, что их много таких и что все будут такие, и я могу быть таким, если последую тому, что говорит их учитель. Что если это истина?

Истина или не истина, – меня влечет к ней и я пойду.

Так сказал себе Юлий, вышел из рощи и, решившись не возвращаться более домой, пошел к той деревне, в которой жили христиане.

III.

Юлий шел бодро и радостно, и что дальше он шел и чем живее представлял себе жизнь христиан, вспоминая всё, что говорил Памфилий, тем радостнее ему становилось на душе.

Уже солнце спускалось к вечеру, и он хотел отдохнуть, как на пути ему попался человек отдыхающий и полуднувший.

Человек был средних лет с умным лицом. Он сидел и ел оливки и лепешку. Увидав Юлия, он улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, юноша. Путь далек еще, садись и отдохни.

Юлий поблагодарил и сел.

– Куда идешь? – спросил незнакомец.

– К христианам, – сказал Юлий и слово за слово рассказал незнакомцу всю свою жизнь и свое решение.

Незнакомец слушал внимательно, расспрашивал о подробностях и сам не высказывал своего мнения; но когда Юлий кончил, незнакомец сложил в сумку оставшуюся пищу, оправил свою одежду и сказал:

– Юноша, не исполняй своего намерения, ты заблуждаешься. Я знаю жизнь, а ты не знаешь ее. Я знаю христиан, а ты не знаешь их. Слушай, я разберу всю твою жизнь и твои мысли, и когда ты услышишь их от меня, ты примешь то решение, которое представится тебе более правильным. Ты молод, богат, красив, силен, – страсти кипят в тебе. Ты хочешь найти тихое пристанище, такое, в котором бы страсти не волновали тебя, и ты бы не страдал от их последствий, и тебе кажется, что ты найдешь такое убежище среди христиан. Такого места нет, милый юноша, потому что то, что тревожит тебя, находится ни в Киликии, ни в Риме, но в тебе самом. В тиши сельского уединения те же страсти будут мучать тебя, но только в сто раз сильнее. Обман христиан или ошибка их (я не хочу осуждать их) состоит именно в том, что они не хотят признавать природы человека. Совершенным исполнителем их учения может быть только старик, выживший из всех страстей своих. Человек же в силе, особенно юноша, как ты, не изведавший жизни и самого себя, не может подчиниться их закону, потому что закон этот имеет в основе не природу человеческую, а праздное мудрствование их основателя – Христа. Если ты пойдешь к ним, ты будешь страдать тем же, чем ты страдаешь теперь, но только в гораздо большей степени. Теперь твои страсти увлекают тебя на ложные пути, но ты, ошибившись раз в направлении, можешь поправиться, теперь ты всё-таки имеешь удовлетворение освобожденной страсти, т. е. жизни. Но среди них ты, сдерживая насильно свои страсти, будешь заблуждаться точно так же, еще хуже, и кроме этого страдания будешь еще иметь неперестающее страдание неудовлетворенных потребностей человека. Пусти воду из плотины, и она будет поить землю и луга и животных, но удержи ее, – она будет рыть землю и вытекать грязью. То же и с страстями. Учение христиан состоит, кроме тех верований, которыми они утешаются и о которых я не стану говорить, – учение их состоит для жизни в следующем: они не признают насилия, не признают войны, судов; не признают собственности; не признают наук, искусств, всего того, что делает жизнь легкой и радостной.

Все это было бы хорошо, если бы люди были все такими, каким они описывают своего учителя. Но ведь этого нет и не может быть. Люди злы и подвержены страстям. Эта игра страстей и те столкновения, которые происходят от них, и удерживают людей в тех условиях жизни, в которых они живут. Варвары (дикари) не знают никаких стеснений, и один дикарь для удовлетворения своих похотей уничтожил бы весь мир, если бы все люди покорялись так, как покоряются христиане. Если боги вложили в людей чувство гнева, мести, даже злобы против злых, то они сделали это потому, что чувства эти необходимы для жизни людей. Христиане учат, что эти чувства дурные, и что без них люди были бы счастливы, не было бы убийств, казней, войн.

Это справедливо, но это подобно тому предположению, что для благосостояния людей им не надо питаться. Действительно, не было бы жадности, голода и всех происходящих от того бедствий. Но ведь это предположение не изменило бы природу человека. Если бы два, три десятка людей, поверив этому, и действительно, не принимая пищи, умерли бы от голода – это не изменило бы природу человека. Точно то же с другими страстями человека: негодование, злоба, месть, даже любовь к женщине, к роскоши, к блеску и величию, свойственны и богам, и потому и суть неизменные свойства человека. Уничтожь питание человека – и уничтожится человек; точно так же, уничтожь свойственные человеку страсти – и уничтожится человечество. То же самое и о собственности, которую будто бы отвергают христиане. Посмотри вокруг себя: каждый виноградник, каждая ограда, каждый дом, каждая ослица – всё это произведено людьми только при условии собственности. Откинь право собственности – и ни один виноградник не будет перекопан, ни одно животное не будет воспитано и ухожено. Христиане утверждают, что у них нет собственности, но они пользуются плодами ее. Они говорят, что всё у них общее и всё сносят вместе. Но то, что они сносят, они получили от людей, владеющих собственностью. Они только обманывают людей и в лучшем случае обманывают самих себя. Ты говоришь: они сами работают, чтобы кормиться, но то, что они сработают, не прокормило бы их, если бы они не пользовались тем, что произвели люди, признающие собственность. Если бы даже они и могли прокормиться, то они только могли бы поддержать свою жизнь, и уже в их среде не было бы места ни наукам, ни искусствам. Они и не признают пользы наших наук и искусств. Да им и нельзя поступать иначе. Всё их учение идет только к тому, чтобы вернуть людей к их первобытному состоянию, к дикости, к животному. Они не могут служить человечеству науками и искусствами, и, не зная их, отрицают их. Не могут служить теми способностями, которые составляют исключительное свойство человека и приближают его к богам. У них не будет ни храмов, ни статуй, ни театров, ни музеев. Они говорят, что этого им не нужно. Самый легкий способ не стыдиться своей низости – это презирать высоту. Это они и делают. Учитель их – невежда и обманщик. И они подражают ему. Кроме того, они – безбожники. Они не признают богов и вмешательства их в дела людей. Для них есть только отец их учителя, которого они называют и своим отцом, и сам учитель, по их понятиям, открывший им все тайны жизни. Учение их – жалкий обман. Пойми одно: учение наше говорит: мир стоит богами, боги покровительствуют людям. Людям же для того, чтобы жить хорошо, нужно почитать богов и самим искать и думать. И потому руководит в жизни нашей, с одной стороны, воля богов, с другой – совокупная мудрость всего человечества. Мы живем, думаем и ищем, и потому подвигаемся к истине. У них же нет ни богов, ни их воли, ни мудрости человеческой, а есть одно – слепая вера в своего распятого учителя, и во всё то, что он сказал им. Взвесь же, какой руководитель надежнее: воля богов и совокупная свободная деятельность всей мудрости человеческой, или принудительная, слепая вера в слова одного человека?

Юлий был поражен тем, что сказал ему незнакомец, и в особенности последними его словами. Намерение его идти к христианам было не только поколеблено, но ему теперь казалось даже странным, как он мог под влиянием своих бед решиться на такое безумие; но для него оставался еще вопрос о том, что ему делать теперь и как выйти из тех затруднительных обстоятельств, в которых он находится, и он, рассказав свое положение, спросил об этом незнакомца.

«Об этом самом я и хотел сказать теперь», продолжал незнакомец. «Что тебе делать? путь твой, насколько мне доступна человеческая мудрость, для меня ясен. Все твои бедствия вытекают из свойственных людям страстей. Страсть увлекла тебя, завела так далеко, что ты пострадал. Таковы обычные уроки жизни. Уроки эти должны быть тобой употреблены на пользу. Ты изведаль многое и знаешь, где горькое и где сладкое. Ты не можешь уж повторять тех же ошибок. Пользуйся своим опытом. То, что больше всего тебя огорчает, – это твоя вражда к отцу. Вражда эта произошла от твоего положения: избери другое, и она уничтожится, или, по крайней мере, не будет уже так болезненно проявляться.

Все твои беды произошли от неправильности твоего положения. Ты предавался увеселениям молодости. Это естественно и потому хорошо. И оно было хорошо, пока было свойственно возрасту. Но пора миновалась, ты с силами мужа отдался резвостям юности, и стало дурно. Ты в той поре, когда надо делаться гражданином, мужем, и служить республике, трудиться на ее пользу. Отец предлагает тебе жениться. Совет его мудрый. Ты пережил одну пору жизни – юность, и вступил в другую. Все твои тревоги суть только признаки переходного состояния. Признай, что пора юности миновалась, и, смело отбросив всё, что было свойственно ей, но не свойственно мужу, вступи на новый путь. Женись, брось потехи юности, занимайся торговлей, общественными делами, науками и искусствами, и ты, кроме того, что примиришься с отцом и с друзьями, ты найдешь успокоение и радость. Главное, что тебя тревожило – это неестественность твоего положения. Ты возмужал и тебе нужно вступить в брак и быть мужем. И потому главный совет мой: исполни желание отца – женись. Если же тебя влечет к тому уединению, которое ты думаешь найти у христиан, если ты склонен к философии, а не к деятельности жизни, то ты можешь с пользой предаться этой деятельности только после того, как ты узнаешь жизнь в ее настоящем значении. А ты узнаешь это только, как самостоятельный гражданин и глава семейства. Если и потом тебя будет тянуть к уединению, предайся ему, тогда это будет истинное влечение, а не вспышка недовольства, каково оно теперь. Тогда иди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.